

Интервью с социологом как исследование

Интервью с социологом - это жанр, имеющий разные функции. С одной стороны, это источник информации по истории социологии через призму личного опыта, но с другой - социолог может интервьюироваться как эксперт по той части социального пространства, которую он осваивал в течение своей жизни. Он, как и все люди, погружен в повседневность как материал, из которого строится общество, но в силу своей профессиональной подготовки он может и обязан видеть в череде банальных событий

больше, чем его сограждане, занятые иными видами деятельности. Во втором случае жизнь социолога выступает как жанр социологического исследования, а социология выступает как форма образа жизни.

Ключевые слова: интервью, методика исследования, социолог, участвующее наблюдение, путешествие по социальному пространству, образ жизни.

Владимир Ильин
профессор факультета социологии СПбГУ

Несколько неожиданно круг вопросов, обсуждаемых Владимиром Ильиным в настоящем эссе, соединяет две рубрики журнала: старую "Современная история российской социологии" и одну из самых молодых — "Жизненные наблюдения социологов".

Ильин указывает на два варианта предмета интервьюирования социологов: первый — для изучения личности респондента, второй — интервью как инструмент анализа социальных процессов, в которые включен респондент. Согласившись в целом с плодотворностью подобной трактовки предметно-целе-

вой очерченности бесед с социологами, я отмечу, что эта дихотомия оказывается весьма условной в тех случаях, когда интервью является элементом историко-научного поиска. Двойная целевая направленность такого интервью очевидна. Воспоминания социологов воссоздают процесс становления и развития нашей науки, и одновременно они раскрывают творческий путь, личность ученого. В историю науки входит ее создатель, и прошлое начинает существовать не само по себе, но оказывается "человеческим".

Борис Докторов

В современной отечественной социологии появился новый для нее жанр — интервьюирование социологов. Его почти параллельно стали использовать разные исследователи и журналы. И мне приятно, что в этом году я тоже стал объектом такого интервью¹. Сейчас мне хотелось бы сказать несколько слов о том, как я понимаю смысл этого жанра и предмет такого исследования.

Предмет интервьюирования социологов

Возможны два варианта предмета. Первый, предметом является личность интервьюируемого. В научном процессе такой предмет имеет смысл, если интервьюируется человек, делавший или делающий историю, чья личность накладывает отпечаток на развитие общества. Это то, что вписывается в жанр "жизнь великих людей". Социологи по своему профессиональному определению к этой категории не могут относиться: их функция не делать историю, а изучать, как она делается. Никто из отечественных социологов не относится и к категории знаменитостей, провоцирующих праздное любопытство широкой публики, любящей заглянуть в замочную скважину и увидеть совершенно иной, неведанный для нее мир. Возможно, я обижу своих коллег, дававших интервью, но я не сомневаюсь, что только узкий круг близких знакомых и друзей, да и то очень вяло, интересуется тем, откуда родом X, где он учился и когда написал свою первую книгу. В рамках этого жанра интервью со мной бессмысленно, т.к. для подсчета его читателей ладонь одной руки будет избыточно мощным инструментом.

Второй — предметом являются социальные процессы, в которые в том или ином качестве был включен интервьюируемый. Он ценен не сам по себе, а как носитель специфического знания, полученного внутри этого процесса. И я убежден, что любой человек, умеющий связно мыслить и гладко излагать продукты этой деятельности, достоин того, чтобы с ним провели интервью, ибо он носитель знания, которое, как правило, не фиксируется ни в официальных документах, ни в статьях жур-

налистов. Человек уходит, оставляя черную дыру тайны — плодородной почвы для домыслов будущих исследователей эпохи. Люди в абсолютном большинстве умирают молча, не оставляя потомкам интеллектуального наследия в виде осмысленного и зафиксированного собственного опыта.

И проблема состоит не только в том, что с ними никто не проводит интервью, а они, как правило, не пишут мемуары. Видят многие, рассказать об этом дано не всем. Рассказ — это перевод неструктурированных, размытых, противоречивых визуальных образов событий на язык категорий. И тут вступает в действие механизм переработки опыта в ничто. Картинки есть, а адекватных слов нет. Опыт застывает в глазах в форме недоуменного, испуганного, восхищенного и т.п. взгляда. Глаза закрылись — исчез и опыт.

И с этой точки зрения, как мне кажется, интервьюирование социологов — это интересный метод исследования. В его основе принцип двойной рефлексии: интервьюируемый рефлексиирует в социологических терминах по поводу своего опыта, а исследователь-интервьюер своими вопросами обеспечивает второй уровень рефлексии. Разумеется, такой метод исследования не лежит на уровне здравого смысла. Чтобы он давал результаты, его стоит разрабатывать и осваивать.

В самом очевидном варианте социолог — это носитель знания об истории своего профессионального сообщества. Эта тема важная, но она интересует узкий круг людей даже в пределах этого сообщества, которое, как и любое иное, достойно написания своей аналитической истории. Мне кажется, что гораздо интереснее жизнь социолога в более широком контексте. Все мы родом из определенного уголка географического и социального пространства, в который далеко не всегда забредали исследователи, все мы родом из определенной эпохи, все мы носители уникального и типичного социального опыта. И такой опыт может быть предметом исследовательского интервью с социологом как экспертом по тому или иному участку повседневной или профессиональной жизни.

¹ Ильин В.И.: "Социология как образ жизни — это оборотная сторона социологии как профессии" (Интервью Б.З.Докторову) // Социологический журнал, 2010. №2. С. 134-160.

Все это касается и социологической мемуаристики. Мне кажется необходимым такой жанр, предметом которого является не биография автора, а интеллектуально переваренная им эпоха. К примеру, П. Сорокин дал прекрасный образец в своей биографической книге "Долгий путь", полезной и людям, которые никогда не слышали его имени. Я сейчас пытаюсь переварить свой опыт жизни в разных (в основном глубинных) участках социального пространства, глядя на него глазами социолога. Что из этого получится, пока трудно сказать. Но я убежден, что этим должны заниматься все, а социологи особенно.

При этом чем меньше должность, тем достовернее данные. Дело в том, что "великий человек" пишет биографию для потомков, пытаясь вклинить свое имя в историю. У "маленького человека", каковым являюсь и я, шансов выцарапать свое имя на страницах учебника истории нет, поэтому нет необходимости вставать на цыпочки и редактировать свою биографию, преувеличивать свою роль в историческом процессе, ибо нельзя преувеличивать то, чего не было, не становясь при этом очень смешным.

Социология может быть столь же многообразной, как и жизни занимающихся ею людей. В силу этого я скептически отношусь к рассуждениям о том, что из себя представляет предмет социологии, чем должны заниматься социологи и т.д. Часто это рассуждения, звучащие из-за пределов социологического процесса, у которого есть одно содержание: добывание знаний о социальной реальности. Предмет социологии определяется в процессе проведения социологического исследования. Лишь такие определения я принимаю всерьез. Они идут в рамках армейской логики: "Делай, как я, делай лучше, чем я!" Иначе говоря, предмет социологии определяется в написанных книгах, статьях, лекциях, в которых исследователь делится с другими тем, что он узнал в ходе своей работы. И мне очень импонирует определение, приписываемое Лазарсфельду: "Социология — это то, чем занимаются социологи". Но я бы уточнил: социолог — это не индивид, включенный во множество сфер жизни и исполняющий разные функции, а лишь одна из его функций. Индивид является социологом лишь в тот момент, когда он занимается социологией, а помимо этого он может быть водителем, дачником, телезрителем, мужем, гражданином, покупателем и т.д.

В этой связи встает вопрос о месте социологии в жизни индивида, занимающегося социологией. Самый распространенный вариант: социология — это автономная сфера профессиональной деятельности, четко отделенная от других сфер жизни человека. Проще говоря, в социологию входят на время рабочего дня, а после его окончания переключаются, принимаясь за исполнение иных ролей, никак не связанных с профессией. Это типичная логика современного общества, где работа для абсолютного большинства людей — это лишь один из многих видов деятельности, основным мотивом занятия которым является зарабатывание средств на прочую жизнь. Нередко предмет и методика исследования таковы, что иного варианта не может и быть: иная жизнь изучается сугубо профессиональными методами, не имеющими аналогов в повседневности и требующими огромных ресурсов (например, массовые опросы населения).

Но возможен и иной вариант: социология как образ жизни, а жизнь социолога как включенное наблюдение. Мне этот вариант импонирует гораздо больше. Во-первых, он позволяет мне не вычеркивать из своей жизни основную ее часть, именуемую отжуждающим словом "работа", являющейся жертвоприношением для иной, настоящей жизни. Во-вторых, превращение социологии в инструмент рационализации собственной повседневности меняет содержание жизни. Она превращается в сплошное и увлекательное исследование, в путешествие по социальному пространству. И тематика не привязана ни к полученным грантам, ни служебным обязанностям. Изучается все, что кажется интересным. Такой подход делает человека свободным, даже если он загнан в узкую клетку социальной структуры.

Пространственная и временная прописка опыта

Если говорить о жизни социолога как включенном наблюдении, то надо иметь в виду феномен локализации опыта в пространстве (географическом и социальном) и во времени. Мы все жили и живем в совершенно конкретных точках социальной реальности, которую мы познаем непосредственно в ходе ее полевого исследования. Все остальное — абстрактная реальность, данная нам в абстрактных категориях или конкретных описаниях, черпаемых из гиперреальности СМИ, книг и т.п. источников. Правда, часто люди смешивают в одну кучу опыт своей жизни как полевого исследования и опыт освоения гиперреальности.

Мой личный опыт также сильно локализован. Я никогда не считал, что я жил в СССР, а сейчас в России. Моя жизнь была и остается локализованной в совершенно конкретных узлах пересечения пространства и времени. Даже такими категориями как город я бы не рискнул описывать объект своего исследования, т.к. каждый город, в котором я жил, являлся, говоря словами Р. Парка, "ансамблем социальных миров". Лишь очень наивные люди могут утверждать, что они знают даже маленький городок со всем многообразием его миров.

Первый этап моего исследования по теме "Жизнь" — это освоение некоторых социальных миров маленького городка (Ейска) на побережье Азовского моря. В перечень этих мирков, погруженных в эпоху 1950-60-х гг., входили наш двор, который делили несколько семей, и улица как среда повседневного обитания, а не просто транзитивное пространство, где люди переходят из пункта А в пункт Б, школа, секция бокса, дачный кооператив, эпизодически — досуговые институты (танцплощадка, кинотеатр). Город был переполнен и иными мирами, но я знал о них понаслышке, и они не входили в объект моего участвующего наблюдения.

В 1968 — 72 гг. я окунулся в совершенно иную реальность, о существовании которой ранее не имел фактически никакого представления. Это центральный район Северного Кавказа — Кабардино-Балкария. В ареал моей жизни как объекта включенного наблюдения входили историко-филологический факультет Кабардино-Балкарского университета, студенческое общежитие, некоторые села, где я провел в общей сложности четыре месяца на уборке картошки, винограда и кукурузы, туристические маршруты по горным хребтам, где я ходил в походы и как любитель, и как инструктор горного туризма. В этот же период вклинилась экспедиция на пару месяцев на Северный Тянь-Шань, где я тоже работал инструктором. При этом родной город Ейск отошел на периферию моей жизни, вторгаясь в нее сугубо отрывочными сведениями, получаемыми во время кратковременных поездок к родителям.

1972 — 1975, а затем 1977 — 1980 гг. — это новый этап моего исследования. Теперь в Ленинграде. В набор доступных мне социальных миров входили исторический факультет Ленинградского университета, несколько студенческих и рабочих общежитий (совершенно автономные и очень важные миры), секция альпинизма и скалолазания, полуподпольные секции карате, Военно-морской музей, где я делал участвующее наблюдение в качестве кочегара и стрелка воензированной охраны, ряд других котельных, публичная библиотека, ряд театров и концертных залов, периодически посещавшихся мною. Вот и весь мой Ленинград. Все остальные его социальные миры были от меня почти также далеки, как социальные миры Нью-Йорка, о которых я также узнавал из газет и радио.

С 1975 по 2002 г. с перерывом на обучение в аспирантуре — освоение еще одной географической и социальной реальности — Европейского Севера. Прежде всего, это Сыктывкарский государственный университет, где я работал на нескольких обществоведческих кафедрах, а в конце периода — на кафедре маркетинга и статистики. Кроме того, это разные регионы республики Коми, куда я регулярно выезжал в командировки, посещая заводы, шахты, исправительно-трудовые лагеря, совхозы. Осо-

бое место — многочисленные промышленные предприятия, где проводил исследования трудовых отношений в 1990-е гг. Самый крупный результат таких поездок — монография "Власть и уголь" (1998), посвященная истории шахтерского движения в Воркуте, а также большая статья о социальной стратификации сталинского концлагеря в той же Воркуте. Была и серия статей о жизни предприятий в период начала рыночных реформ. Параллельно в 1990-е гг. я активно осваивал социальные миры вдалеке от моего дома, выезжая на стажировки от месяца до года в разные страны мира. В это время я неплохо познакомился с некоторыми социальными мирами Юга США, где провел девять месяцев, делая полевое исследование повседневности и работая в университете, Уорвикского университета (Великобритания), ряда университетов Дании, Швеции, Германии.

И с 2002 г. объектом моего участвующего наблюдения является факультет социологии СПбГУ, опираясь на который я провожу исследования повседневной жизни молодежи в формирующемся обществе потребления, как и городской инфраструктуры этого общества. В этот же период я во второй раз на девять месяцев отлучился в США, где проводил полевое исследование повседневной жизни американского общества потребления в ряде южных штатов. Параллельно каждое лето с семьей выезжаю в свой родной город Ейск, где на протяжении ряда лет собираю материал о трансформации его повседневной жизни. На несколько месяцев я выезжал в Германию для изучения повседневной жизни российских немцев, переселившихся на историческую родину. Рукописи книги с итогами этого исследования никак не могу довести до ума: трудно думать о Германии, живя в России. С 1996 г. ежегодно от двух недель до одного месяца провожу в Москве, где читаю лекции для социологов из разных регионов России. Для меня это тоже возможность плодотворного участвующего наблюдения некоторых участков столичного профессионального сообщества и вершины айсберга московского общества потребления, более углубленному пониманию которого помогают интервью с его гражданами. Кроме того, каждый год я выезжаю в Сыктывкар для чтения лекций и проведения полевого исследования повседневной жизни молодежи (прежде всего, в сфере потребления). Попутно отслеживаю самые разнообразные процессы в этом городе, попадающие в поле моего зрения. Мои тамошние друзья и знакомые выступают проводниками в разные социальные миры этого города, не сводящиеся к университетской среде. Так, в 2010 г. я там не только прочел курс "Поведение потребителей", но и сделал 24 глубинных интервью. С 1996 г. ежегодно мы с женой ездим на автомобиле разными маршрутами на мою родину в г. Ейск. Попутно я веду наблюдение повседневной жизни российской глубинки. По материалам таких поездок — от Воркуты до Нальчика — стала книга, написанная вместе с моей супругой и спутником М. Ильиной, "Российский базар: социальная организация и маркетинг" (2000). Сейчас в неспешном режиме в ходе этих поездок набираю материал о российских дорогах и жизни в глубинке. Идет подготовка экспедиции на Дальний Восток и в Восточную Сибирь. Что получится в итоге, пока трудно сказать.

Периодически я выбираюсь в дальние (не только географически, но и культурно) страны, где собираю материал по теме "Локализация повседневной жизни традиционных обществ в процессе соприкосновения с глобальным туризмом". Гонимый этим интересом, я с сыном путешествовал с рюкзаком по Гималаям в Непале, Западному Тибету в Индии и по горному Вьетнаму, на джипе — по ряду индийских штатов, была в этой серии и поездка в Северную Корею, несколько поездок в Египет и Турцию. Просто отдыхать, созерцая мир, мне скучно. Поэтому я наблюдал с фото- и видеокамерами, а также с блокнотом, как воспринимает турист экзотическую культуру, в какие формы взаимодействия он включается, как местные жители превращают свою традиционную культуру и природу в глобальный товар, продаваемый глобальному туристу.

Вот примерный набор социальных миров, которые я по ме-

ре сил изучаю методом участвующего наблюдения. И здесь трудно провести грань между исследованием как работой и исследованием как образом жизни. Этот перечень очерчивает границы моей компетенции как полевого исследователя. Что-то уже вылилось в книги и статьи, что-то лежит грудой не обработанного до конца материала, поскольку жизнь соблазняет все новыми темами, оставляя недостаточно времени на доведение этих исследований до логического конца, естественной формы которого я считаю публикации и лекции.

С первого взгляда может показаться, что я сильно распыляюсь. Действительно, я делал исследования в области социологии политики, этносоциологии, трудовых отношений, миграции, потребления, социального неравенства, менеджмента, рынка труда и т.д. Но в реальности это просто разные сферы, где я выбирал один и тот же предмет: процесс формирования и трансформации социальных структур на уровне непосредственного взаимодействия людей. Иначе говоря, все это — социология повседневности, изучаемая на разном материале. Для меня социология повседневности — это не одна из бесчисленных отраслевых социологий, а своеобразная методология исследования общества во всех его проявлениях, своего рода социальный супремат, фокусирующий внимание не столько на архитектуре социальных институтов, сколько на характере взаимодействия социальных молекул.

Осознание социокультурной атмосферы

В процессе вдумчивого отношения к личному опыту с использованием инструментов не только здравого смысла, но и социологии, накапливается осознание и ощущение социокультурной атмосферы, в которой живешь. Это не социологическое исследование в строгом смысле слова, опирающееся на четкие правила методики, стремящееся проверить и перепроверить и инструментарий, и выводы, заглавное в логику борьбы за репрезентативность и т.д. Жизнь как участвующее наблюдение дает когда осознание социокультурной атмосферы, когда лишь ее ощущение, не переводимое на язык четких логических умозаключений. В его основе то, что в социологии называют практическим знанием. Социолог же может систематически анализировать свое практическое знание, вникая в порождающие его механизмы.

Без такого знания или ощущения атмосферы, заполняющей все ниши повседневной жизни в области экономики, политики, культуры и т.д. социолог обречен на исследовательскую наивность. Она очень часто встречается у иностранцев, которые нередко прекрасно знают ключевые факты, но без понимания атмосферы общества эти факты приводят к наивным построениям. И придаться вроде бы не к чему: все аргументы верные, но "цемент", связующий "кирпичики" не адекватен реальности. Все верно, а свою страну не узнаешь. Это же на каждом шагу встречалось и встречается в отечественной социологии. Люди, познающие свою страну через призму книг и локального опыта университетского преподавателя или еще хуже — научного сотрудника академического учреждения, неизбежно оказываются образованными и наивными иностранцами в собственной стране.

Освоение социокультурной атмосферы обычно имеет бессистемный, отрывочный характер. Это коллекционирование социальных ситуаций, которые в процессе социологического "разглядывания", "прощупывания" дает понимание и/или ощущение атмосферы. Эти ситуации часто не имеют прямого отношения к исследуемому в порядке профессиональной деятельности темат, но они представляют собой "молекулы" заполняющие поры изучаемого предмета.

Два летних отпуска я провел в Краснодарском крае, оформляя наследство на родовую хату. Почти каждое утро я, как на работу, шел стоять в очередях в раскаленных от летней жары коридорах в разные отделы администрации, паспортный стол, суд, офис нотариуса и т.д. Возвращался обычно к вечеру. В очереди и по вечерам я фиксировал в записной книжке и компью-

тере те факты, на которые хватало сил. От сумасшествия спасала мысль: я провожу исследование повседневности власти. Я принципиально никому не давал никаких взяток. И если бы я стал респондентом в одном из популярных ныне исследований коррупции, то на вопрос относительно взяток я бы без колебаний ответил "Нет. Не давал, не видел". Лишь один раз землемеру купил бутылку вина, да и то задним числом в знак благодарности. Первый год не пользовался услугами прилипших к государству фирм (это я начал изучать на второй год). Но обойтись без адвокатов мне не удалось. Два года я доказывал в судах, что я сын своего отца, а мой отец — сын своей матери, а сестра — моя сестра. Несколько раз я оплачивал по постоянно растущим таксам замеры своей хаты и огорода. И каждый раз данные были разные, что вызывало необходимость новых замеров. Это стоило больших денег, а еще больше нервов. Все это кончилось тем, что я, несмотря на свой систематически спортивный образ жизни, так обессилел, что свалился с воспалением легких и был не так далеко от того света. Последний (надеюсь, но совершенно не уверен) этап был в 2009 г., когда я, уже не рискуя своим здоровьем, нашел прямо в здании земельного комитета фирму с многообещающим названием "Земля и право", которая за полгода и за 30 тыс. руб. не смогла, несмотря на контракт и тесные связи с властью, оформить сад в собственность, а вместо этого сделала договор аренды. Моя кубанская хата превратилась для меня в очень ценное, хотя и жестокое кейс-стади власти на основе участвующего наблюдения, длящегося уже почти 10 лет.

Из него я вынес не только понимание, но и ощущение логики функционирования государства. И когда я встречаю в бесчисленных социологических и общественно-политических текстах слово "государство", когда вынужден оперировать этой категорией во всех своих исследованиях, то исходными для меня являются не столько определения Маркса или Гоббса, а мое личное, выраженное не только в логических терминах, но и в телесной памяти, ощущение государства как иррациональной, хаотичной и слабо управляемой машины, где у каждого винтика есть возможность привнесения в процесс управления своих собственных смыслов. И когда я слушаю президента, обладающего по Конституции почти императорской властью, мне его жалко: он думает, что управляет государством (я уже не говорю о России), а в реальности его можно сравнить с водителем старого автомобиля, у которого тормоза работают по четным дням, масло вытекает в силу непонятных причин, а искра зажигания уходит куда-то в другую сторону. Вроде и руль в руках, но у машины своя логика функционирования. Поэтому все решения государственных органов я пропускаю через фильтр своего опыта.

Социолог как путешественник по социальному пространству

Социолог может работать, принимая разные облики. Мне по душе определение социолога как путешественника, перемещающегося в социальном пространстве. В отличие от туриста, ловящего впечатление для собственного удовольствия и духовного обогащения, социолог-путешественник познает социальные миры, открытые далеко не для всех. И с результатами этих экспедиций по разным социальным мирам он знакомит других людей через свои лекции, статьи и книги. Именно так я вижу наиболее подходящее и интересное место в этом мире для себя.

При этом хотел бы оговориться, что речь не идет о поездках. Они представляют собой одну и совсем не обязательную форму путешествия в социальном пространстве. Социолог может путешествовать, не выходя за пределы своего микрорайона или факультета, т.к. здесь за видимым единообразием ландшафта скрывается много социальных миров, о существовании которых большинство шагающих по этим территориям и не догадываются.

С одной стороны, я такой же, как и тысячи людей, находившихся вместе со мной в одних и тех же обстоятельствах. Но с

другой стороны, в силу своей профессии я видел и зафиксировал больше, чем масса прочих людей, находившихся там же. Моя профессия научила меня вглядываться в жизнь, приставать к людям с распросами. Там, где обычный человек обменивается с другими ритуальными фразами, я, гонимый профессиональным кретинизмом, нередко превращаю общение в интервьюирование, хотя мои собеседники часто об этом и не догадываются. В результате многие участки социального мира я не только видел собственными глазами, но и мобилизовал для их анализа глаза моих собеседников. Поэтому моя биография наполнена сотнями продолжительных интервью (нередко не по одному часу) с самыми разными людьми: политиками и бомжами, профсоюзными лидерами и домохозяйками, бандитами, отбывающими длительные сроки, и топ-менеджерами, студентами и рабочими разных специальностей, проститутками и священнослужителями. Эти интервью проводились в самых разных районах мира: многочисленных населенных пунктах России, США, Германии, Великобритании, Индии, Непала, Скандинавии и т.д. Я человек из толпы, но в то же время моя профессия обязывает меня не просто жить, а изучать свою жизнь в совокупности ее обстоятельств, поэтому в силу этой причины я заглядывал в места и души, куда обычный человек считает неприличным влезать. Но этикет социолога отличается от этикета "нормального" человека: он стремится узнать больше, чем надо для обеспечения повседневного общения. Его разговор то и дело превращается в глубинное интервью. Не всем моим собеседникам это нравится. Мне приходилось слышать сравнения с лобопытным милиционером, следователем и т.д. Приходилось оправдываться: "Извините, но я социолог".

Примеры для подражания

Идея социологии как образа жизни и участвующего наблюдения (правда, без такого определения) появилась у меня еще в давние советские годы, когда я прочел об опыте ленинградского социолога А. Алексеева, который изучал советскую систему производства, работая несколько лет рабочим на заводе. Затем в годы перестройки (в конце 1980-х) мне удалось посмотреть документальный фильм о том же человеке. От социологии повеяло романтикой, к которой я всегда питал слабость.

А в самом начале 1990-х гг. я познакомился в Сыктывкаре с М. Буравым, социологом из Калифорнийского университета в Беркли. На протяжении целого ряда лет, когда проходило мое становление как социолога, мы с ним тесно общались. И он на своем личном примере показал мне тот вариант профессии социолога, который мне больше всего импонировал. До нашей встречи он работал менеджером на руднике в Замбии, и в этот период собрал материал для своей магистерской диссертации. Затем он писал свою докторскую диссертацию, работая на автомобильном заводе в Чикаго. Он изучал процесс разложения государственного социализма, работая рабочим на заводе в Венгрии. И когда он решил понять, как государственный социализм превращается в капитализм, он приехал в Сыктывкар, где полгода проработал на мебельной фабрике, стоя у станка, попутно делая массу интервью с людьми, занимавшими самое разное место в социальной иерархии Республики Коми. Потом он регулярно навещался в наш город, где несколько месяцев делал включенное наблюдение в банке, обстоятельно изучал рабочее движение в Воркуте, изучал жилищную стратификацию и т.д.

Тогда же в начале 1990-х гг. судьба свела меня с английским профессором С. Кларком, который заинтересовался Россией. Сам он ограничивался периодическими поездками в разные регионы нашей страны, где регулярно делал интервью с менеджерами, рабочими и профсоюзными лидерами. Однако он прививал всем, кто с ним работал вкус к теоретически ориентированным полевым исследованиям. Под его влиянием я и пара десятков моих российских коллег включились в систематический мониторинг социальных процессов на предприятиях Рос-

сии, регулярно посещая их, наблюдая происходящие там изменения, делая глубинные интервью. Его аспирантка С. Эшвин, работала над своей диссертацией в кузбасском шахтерском поселке, где провела несколько месяцев, наблюдая с самой короткой дистанции жизнь рабочих. Результатом стала ее книга "Анатомия терпения". Схожим образом писали диссертации и другие его аспиранты.

Таким образом, идея социологии как образа жизни — это заметный, хотя и явно маргинальный, сегмент мировой и отечественной социологии.

Логика участвующего наблюдения

Социолог — такой же человек, как и миллионы иных людей. Правда, для интеллигенции всегда было характерно выделять себя в нечто особое, обозначая всех остальных категорией "народ". Я скептически отношусь к идее, что высшее образование, в т.ч. социологическое, сильно приподнимает индивида над массой его соотечественников. Чаще всего такой снобизм (в т.ч. и в демократической форме) является лишь формой самооправдания: не зря же столько лет учился!

Методологической предпосылкой понимания жизни как участвующего (включенного) наблюдения является простой тезис: я такой же как и те, кого я изучаю, кто меня окружает. И моя склонность приподнимать себя над толпой не является исключением: другие тоже делают также, включая меня в толпу, на которую они смотрят свысока.

Следовательно, мне надо наблюдать себя как одну из молекул социального организма. Чтобы понять других, надо разобраться в себе, изучая логику своего мышления и поведения в разных социальных обстоятельствах. Однако все люди, с одной стороны, могут быть сведены к общему знаменателю, а с другой — каждый уникален. Посредине же между этими крайностями — типы: все мы, даже в самых своих оригинальных проявлениях, демонстрируем принадлежность к тому или иному типу, категории. И наблюдая себя, социолог ставит вопросы: что общего у меня с другими людьми в этих же обстоятельствах? Чем я отличаюсь от других? На кого из них похож, а на кого нет? И почему я отличаюсь? Так биография превращается в аналитическое описание своей среды, целью которого является выделение типов и их объяснение.

Общение как исследование

Общение делает людей людьми, ибо в этом процессе рождается социальность как зона взаимопонимания, процесс поиска общих смыслов. Общаются все, однако многие личные характеристики, в т.ч. и профессия накладывают на этот банальный процесс свой отпечаток. Разумеется, далеко не всегда социолог общается как социолог. Он может участвовать в качестве туриста, попутчика, коллеги и т.д. Социологическое общение для меня — это процесс исследования. В ходе этого процесса постепенно выкристаллизуются контуры программы: цель, задачи, объект, предмет. Вначале, когда еще не представляешь собеседника, не знаешь зон его компетенции, разговор идет в рамках логики повседневного общения: о том о сем, чтобы скоротать время. Когда зона компетенции проявилась и оказывается для меня интересной (что случается далеко не всегда), начинается структурирование беседы по пути ее превращения в глубинное интервью.

Я люблю долгие поездки на поезде или на автобусе именно из-за открывающихся в их ходе возможностей. В первой половине 1990-х гг. я часто ездил на поезде "Сыктывкар — Москва", а один раз "Москва — Лондон". В этих поездках не раз моими попутчиками оказывались "челноки". Из дорожного трепа с ними постепенно вырастало глубинное интервью, опирающееся на относительно четкие программные пункты. В конце концов из накопленного "на всякий случай" материала выросло исследование провинциальных рынков России, приведшее к монографии "Российский базар".

В середине 1990-х гг. мы с сыном-подростком предприняли путешествие: Дагестан, Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Краснодарский край. В это время там уже сильно попахивало конфликтом (первая Чеченская война началась через полгода). Общение с местными жителями в самых разных ситуациях, наложившееся на опыт четырехлетнего изучения истории и культуры региона на историко-филологическом факультете Кабардино-Балкарского университета, помогло мне кое-что понять, т.к. наблюдение дополнялось взглядом моих собеседников, среди которых в Чечне были разные люди, включая даже охранника тогдашнего президента Ичкерии Д. Дудаева, спецназовца, начальника отдела местной службы безопасности. Сложилось впечатление, что, с одной стороны, Чечня — это не поддающаяся государственному контролю вольница, погрязшая в странном для современного государства хаосе, население, находящееся в более сложном, чем большинство россиян положении, а с другой — в ней в то время была сильна эйфория от завоеванной фактической независимости, эйфория, опиравшаяся на традиционную воинственность, культ маскулинности, самопожертвования, растущую религиозность, невиданное национальное сплочение и т.д. И когда вдруг тогдашний Кремль начал совершенно спонтанную операцию "по наведению конституционного порядка", я сопоставил свои впечатления от путешествия с имевшимися данными об аномии в обществе, о состоянии армии (не количестве танков, а ее воинском духе). Выводы были пессимистическими. И в целом они подтвердились в ходе дальнейших событий в том регионе. Понять, чем занималась накануне российская разведка, мне было трудно. Но было очевидно, что либо перед нами поразительный непрофессионализм тех, кто принимал решение, либо это была авантюра, смысл которой мне как маленькому человеку был не доступен.

Тогда у меня была идея перевести имеющийся материал из жанра путевых заметок в серьезное исследование, но война — не самое удачное время для социологического изучения. В дальнейшем мысль о проведении исследования на Северном Кавказе регулярно посещает меня, но интересных тем больше, чем интеллектуальных и физических возможностей их поднять. Я несколько раз ездил в тот регион, накапливая в процессе общения и со старыми друзьями, и новыми попутчиками материал, который постепенно кристаллизуется вокруг вопроса: как повседневная жизнь порождает различные стратегии совладания с ее проблемами, среди которых все более заметное место занимают и экстремальные формы?

Социальный сопромат

В технических вузах изучают дисциплину под названием "Сопроотивление материалов". В анализе форм связи молекул часто лежит ключ к пониманию судьбы огромных физических объектов. Дома, мосты, стадионы и т.д. нередко рушатся как песочные конструкции, хотя аналогичные по форме архитектурные сооружения нередко стоят незыблемыми. И ключ к пониманию причин нередко лежит в невидимых со стороны деталях, скрытых в микропроцессах, происходящих в используемых материалах. Работая инструктором горного туризма, я нередко наблюдал, как кажущиеся вечными и незыблемыми ледники вдруг под влиянием небольшого количества лучей начинали рушиться, превращаясь в ужасающие лавины и ледопады. Созерцание этих потрясающих картин наводило меня на аналогии с жизнью общества: ключ к пониманию судьбы социальных институтов часто тоже лежит в невидимых глазу процессах на "молекулярном" уровне. И всю жизнь я, будучи маленьким человеком, старался разглядеть логику именно этого молекулярно-уровня.

В советское время бытовал миф: пусть мы не можем делать нормальные потребительские товары и даже накормить себя, но уж наша армия — если не лучшая в мире, то не уступает вероятному противнику. Советская пресса регулярно подбрасывала в массовое сознание переводы статей из западных изданий,

где писали о превосходстве Советской армии и ее вооружений. С третьего курса я систематически читал западную периодику в отделах специального хранения библиотеки ЛГУ и публички. И там регулярно попадались аналитические выкладки, питавшие советскую гордость.

Однако три года занятий на военной кафедре стали основанием для гипотезы: в "несокрушимой и непобедимой" что-то слишком много иррационального, чтобы быть дееспособной. Но это суждение, опиравшееся на опыт участвующего наблюдения жизни военных подразделений двух вузов, я держал в статусе гипотезы: в армии все может быть совсем иначе.

Но вот в 1975 г. меня отправили в "социологическую экспедицию", официально называвшуюся "военными сборами". Два месяца я со своими коллегами провел в воинской части под Архангельском. Два месяца был в шкуре солдата, т.е. действовал как простейший атом гигантского механизма. И очень скоро критическая гипотеза превратилась в глубокое убеждение: с этой армией можно строить дороги, дома, рыть котлованы, проводить парады и т.д., но воевать — ни в коем случае! Так я стал убежденным пацифистом.

Советская армия, которая и пропагандой, и механизмами массового сознания рисовалась как оазис порядка и жесткой рациональности в общем-то хаотичном советском обществе, предстала мне как полная противоположность этому имиджу. За всю свою жизнь более иррациональной организации и большей бессмыслицы мне увидеть не удалось.

В ходе моего участвующего наблюдения я понял смысл загадочного выражения "пеше по машинному". Это означало, что в условиях отсутствия топлива (и я видел ручейки, куда оно утекало, питая нарождающийся теневой капитализм) каждое отделение, напрягая фантазию, представляло себя пассажирами боевой машины пехоты и топало по болотам на штурм укреплений противника. Армия, ради которой, как нас убеждали, страна затягивает пояса, оказалась реально скоплением обездоленных людей. Военные лагеря стали самым голодным периодом в моей жизни, в т.ч. и в студенческой. И ежедневные наблюдения старшины, который что-то увозил ящиками и мешками с кухни, позволяли мне объяснить, почему в "каше с мясом" даже лучшие стрелки не могли обнаружить мяса. И у меня больше не возникало вопросов, почему никогда в жизни — ни до, ни после лагерей — у меня не было такой изжоги, как там. Какой идиот будет лить в кашу свежее подсолнечное масло, если для него можно найти иное применение в семьях людей с лычками и звездами? Наблюдая жизнь пузатых и слегка навеселе офицеров, я уже не мог вообразить их в реальном бою. Даже младшие командиры умудрялись без больших усилий наблюдать наши марш-броски со стороны. Дежурные по роте целыми сутками граблями равняли песчаный плац перед казармой, чтобы все полоски были в идеальном порядке, ибо, как объяснил нам наш капитан, "красота — это единобразие". За два месяца я, готовясь стать лейтенантом пехоты, стрелял один раз из автомата (но три года я его собирал и разбирал на скорость, так и не поняв значение этой операции для безопасности родины) и один — из пулемета: несколько коротких очередей. Как стрелять из гранатомета нам показали на пальцах (гранат не было). Но изо дня в день я мыл сортиры, чистил гвоздиком казарму, рыл траншеи от "завтрака до ужина", собирал вместе со всей ротой ягоды для командира, выравнивал таежную дорогу, по которой собирался ехать по грибы первый секретарь обкома и осваивал иные премудрости "защиты Родины". Армия, как знал каждый советский мальчишка, — это "школа жизни". И мы, сидя на краю болота проходили положенный по программе урок плавания: один из продвинутых курсантов, стоя перед нами, показывал движения при плавании разными стилями. Мы повторяли. Зачет по плаванию был успешно сдан. Перечень этих микроситуаций мож-

но продолжать долго. Но данных достаточно, что сделать выводы. Кроме того, я всю жизнь неспешно собирал чужой армейский опыт.

В 1979 г. наши войска втянулись в войну в Афганистане. Я не был убежден, но нутром чувствовал: это будет катастрофа. Когда там были только "элитные" войска, о которых я знал только из косвенных источников, у меня в наборе гипотез была одна оптимистическая: не исключено, что это не та армия, которую я видел. Но когда в бой пошли обычные войска, я понял: кремлевские старцы стали жертвами ими же создаваемого мифа о "непобедимой и сокрушимой".

Методом участвующего наблюдения я изучал жизнь "мысли и совести нашей эпохи", т.е. КПСС, дошел даже до члена парткома университета. С близкого расстояния видел работу некоторых отделов Коми обкомов комсомола и КПСС (там работали знакомые люди). В поисках тайн советской системы залез в партийные архивы, где несколько лет перелопачивал документы с грифами "секретно". И с ужасом понял: главная тайна партии — абсурд как ведущий принцип ее организации. Иллюзий относительно КПСС у меня никогда не было (хотя и антикоммунистом я тоже не был) и вступил я в нее исключительно с целью осуществления "социологической экспедиции". Но обнаружить, что основные стойки системы столь сильно "изъедены термитами" (я видел на Юге США внешне пристойные дома, которые в результате этих микроскопических процессов превращались от толчка в кучу пыли) было для меня откровением.

Краха советской системы при своей жизни я, правда, не ожидал: ведь история знала не менее абсурдные системы, существовавшие веками. Но когда в начале 1990-х гг. система начала разрушаться, как величественные горные снежники по весне, удивления у меня не было. Опыт участвующего наблюдения разных звеньев системы подготовил меня и к пониманию такого диалектического феномена, как превращение партийных и комсомольских работников, только что бывших "верными ленинцами" в "прорабов" дикого капитализма. Говоря словами В. Маяковского, "мы диалектику учили не по Гегелю...".

Минусы социологии как образа жизни

Жизнь как участвующее наблюдение, несомненно, имеет немало преимуществ, которые я вскользь описал выше. Но она связана и с большим количеством минусов. Прежде всего, она порождает профессиональный кретинизм: никогда не вылезешь из профессиональной робы. Это делает тебя в глазах окружающих не совсем нормальным человеком, ибо ты навязываешь людям не совсем привычный для них вариант общения.

Кроме того, такая стратегия ведет к существенному распылению сил. Фактически параллельно ведется несколько исследований, каждое из которых требует время и на сбор материала, и на его осмысление, и особенно — на приведение его в товарный вид публикации. В архивах накапливается немало текстов, фотографий и видеозаписей, не доведенных до конца. Если появляются благоприятные условия, они могут быть быстро закончены. Отсюда имеющаяся у некоторых коллег иллюзия относительно поспешности в моей работе. В реальности за каждой моей книгой немало лет жизни как участвующего наблюдения. Но время от времени это приводит к тому, что буквально подряд завершаются две — три большие работы на разные темы. Интервал между ними в полгода или год ни в коей мере не означают таких коротких сроков работы над ними. Но я не могу одной темой заниматься изо дня в день. Это вгоняет меня в тоску. Поэтому параллельная работа над нередко очень разными темами — единственно возможный для меня способ работы. Подчеркиваю: возможный для меня, из чего следует, что ничто из сказанного здесь не стоит рассматривать как совет или рекомендацию другим. Каждый выбирает под себя жизненную стратегию и дачную лопату.